

СЕРГЕЙ ЛАНГ

ТЕ, КТО РЯДОМ

КНИГА 4. ЧУЖОЕ ИМЯ

Иногда самое близкое имя
звучит как чужое

Сергей Ланг

Чужое имя

<https://litres.ru/74008349>

SelfPub; 2026

Аннотация

Инну Климову всю жизнь случайно называли Ниной. Она привыкла поправлять спокойно: «Инна». Ошибка казалась мелкой - усталость, автозамена, чужая невнимательность. Пока однажды в её почтовом ящике не появляется конверт на имя Нины Климовой.

После этого сбой начинает повторяться. Документы меняют имя. Люди узнают её не так. Старые фотографии будто помнят другую девочку. Во сне кто-то зовёт Инну чужим голосом, и каждый отклик оставляет боль в горле.

Надежда Рогова предупреждает: имя - не просто слово. Иногда через него человека держат на чужой дороге. Чтобы вернуть себе жизнь, Инне придётся узнать, кого в её семье пытались заменить, какую смерть запретили оплакивать и почему живого ребёнка много лет звали туда, где его не должно было быть.

Содержание

Глава 1. Нина	4
Глава 2. Одна буква	10
Глава 3. Не отвечай	20
Глава 4. Синяя папка	28
Глава 5. Типография	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Ланг

Чужое имя

Глава 1. Нина

Инна Климова не любила, когда её называли Ниной. Не раздражалась открыто, не поправляла резко, не делала из этого маленького чужого сбоя отдельную сцену, потому что в тридцать четыре года человек уже умеет экономить силы на мелочах. Она просто поднимала глаза, ждала полсекунды и говорила: «Инна». Обычно люди извинялись, улыбались, говорили что-то про усталость или автозамену, и всё возвращалось на место.

Почти всё.

В тот четверг ошибка пришла не голосом. Она лежала в почтовом ящике, куда Инна заглядывала редко, с той ленивой ответственностью человека, который знает: всё важное давно приходит в телефон, а бумага теперь нужна только тем, кто хочет напомнить о долге, рекламе стоматологии или собрании жильцов.

Конверт был плотный, сероватый, без обратного адреса. На нём не было ни марки, ни штампа, ни привычной липкой наклейки с трек-номером. Только её квартира, номер дома, улица и имя, написанное от руки тонкими, старомодными

буквами.

Нине Климовой.

Инна постояла у почтовых ящиков, держа ключ в замке. За спиной пахло мокрыми ковриками, старой краской и кошачьим кормом, которым соседка с первого этажа кормила всех, кто умел ждать у батареи. Лампочка над лифтом мигала, не решаясь ни погаснуть, ни загореться окончательно. На улице за мутным стеклом подъездной двери шёл мелкий снег с дождём, слишком водянистый для зимы и слишком холодный для осени.

Она перевернула конверт. Пусто. Ни фамилии отправителя, ни почтового знака. Бумага была не новая. Не музейная, конечно, не из старого сундука, но и не офисная. Шершавая, будто её уже держали в руках много лет назад и только теперь вспомнили, куда положить.

— Вам плохо? — спросил кто-то рядом.

Инна вздрогнула. У ящиков стоял мальчик лет десяти в синей куртке, с пакетом из магазина и мокрым капюшоном. Соседский, кажется, из квартиры на шестом. Она видела его несколько раз в лифте. Он всегда смотрел в телефон так близко к лицу, будто мир за экраном был безопаснее подъезда.

— Нет, — сказала Инна. — Просто письмо не мне.

Мальчик посмотрел на конверт, потом на неё.

— А кому?

Она почти ответила: Нине. Но чужое имя в подъезде, под

мигающей лампой, вдруг показалось не словом, а маленькой дверью, которую лучше не открывать при свидетелях.

— Ошиблись, — сказала Инна.

Мальчик кивнул так, будто понял больше, чем нужно. Лифт приехал с глухим толчком, двери разошлись, выпуская запах железа и мокрого пуховика. Инна вошла следом за ним, нажала седьмой. Мальчик нажал шестой. Письмо оставалось у неё в руке, и его угол упирался в ладонь неприятно точно, словно конверт знал, где у неё тонкая кожа.

Дома было темно. Инна всегда уходила утром, оставляя шторы приоткрытыми, чтобы вечером в квартире не было ощущения пустого ящика. Но сейчас окна смотрели на двор чёрными прямоугольниками, и редкие огни в соседнем доме дрожали в стекле, будто кто-то там ходил с фонарём по чужим комнатам.

Она сняла пальто, повесила его на крючок, поставила ботинки на коврик и только потом положила конверт на кухонный стол. Так, будто соблюдала порядок, который мог защитить от лишнего смысла: сначала одежда, потом чайник, потом письмо. Не наоборот.

Телефон зажужжал в сумке. Сообщение от матери.

«Ты завтра в архив заедешь? Я звонила, они сказали, что без тебя не дадут».

Инна устало закрыла глаза. Архив был не государственный, а домовый: старая коробка у матери в шкафу, где лежали свидетельства, фотографии, выписки, гарантийные та-

лоны на давно выброшенную технику, отцовские справки и несколько папок, которые мать называла «семейными». Разбирать это надо было ещё весной. Потом летом. Потом после отпуска. Потом после того, как у матери поднимется давление. Потом после того, как давление снизится.

Инна набрала: «Заеду после работы».

Ответ пришёл сразу, будто мать держала телефон в руке и ждала, как держат поводок.

«Не забудь. Там есть важное».

Инна посмотрела на конверт. На чужое имя. На тонкие буквы, слишком уверенные для случайной ошибки.

Она не открыла письмо. Поставила чайник, достала чашку, положила в неё пакетик чёрного чая, хотя пила его только в дни, когда внутри требовалось что-то резче травяной воды. Кухня была обычной: узкий стол, два стула, магнит с Суздалем на холодильнике, зелёная губка у раковины, нож с пластиковой ручкой, который давно пора было заменить. Всё на месте. Никакой мистики не бывает там, где на подоконнике сохнет тряпка для пыли.

Но конверт лежал в центре стола, и кухня вокруг него незаметно собиралась в другую картину. Будто старые вещи знали, что надо молчать.

Инна села, подвинула письмо ближе. Несколько секунд рассматривала почерк. Потом осторожно поддела край ножом.

Внутри был один лист, сложенный втрое. На бумаге пахло

не пылью, а чем-то сухим и сладковатым, как пустая коробка из-под лекарств, пролежавшая в шкафу много лет. Текст был короткий.

«Нина, прости. Я не смогла вернуть тебе имя. Всегда рядом. С.»

Инна прочитала один раз. Второй. На третьем разе буквы начали расползаться, хотя зрение у неё было хорошее. Она положила лист на стол, выпрямилась и машинально потянулась к телефону, чтобы сфотографировать письмо. Но камера не включилась. Экран остался чёрным, потом вспыхнул белой заставкой перезагрузки.

— Ну конечно, — сказала Инна вслух.

Голос прозвучал слишком громко. Она оглянулась на дверь кухни, будто там кто-то мог услышать.

Телефон ожил. На экране было новое уведомление из банка: «Уважаемая Нина Сергеевна, подтвердите вход».

Инна не сразу поняла, что прочитала.

Она открыла приложение. Пароль подошёл. На главной странице лежали её счета, её карта, её зарплата, последние покупки. Но в верхнем углу, рядом с маленькой иконкой профиля, стояло:

Нина Сергеевна Климова.

Инна выключила телефон, положила его экраном вниз и некоторое время сидела тихо. Чай остывал. В соседней квартире включили воду, трубы за стеной протяжно вздохнули, будто дом собирался сказать что-то старое и передумал.

На листе перед ней было всего три строки.

Нина.

Прости.

Всегда рядом.

Она вдруг вспомнила, как в детстве бабушка один раз назвала её Ниной. Не случайно, не как соседи, не как воспитательница в саду, а тихо, с такой большой нежностью, что мать тогда побледнела и увела Инну из комнаты. После этого бабушка прожила ещё полгода, почти не вставала, говорила мало и всё время просила открыть форточку, даже зимой.

Инна тогда была маленькая и запомнила не слова, а воздух: у кровати пахло валокордином, старой кожей и влажной шерстью, на тумбочке стоял стакан с ложкой, в коридоре шепталась мать. Потом бабушка умерла, и имя Нина исчезло из дома так резко, будто его вынесли вместе с постельным бельём.

С тех пор ошибались другие. Чужие люди. Случайные программы. Женщины в регистратурах. Курьеры. Одноклассница, которую она встретила через двадцать лет и которая почему-то сказала: «Нин, это ты?»

Инна думала, что имя просто липкое.

Теперь оно пришло в конверте.

Глава 2. Одна буква

Утро началось с того, что Инна не смогла записаться к стоматологу. Сайт клиники бодро сообщил, что пациент с такими данными уже существует, но имя в карточке не совпадает с паспортом. Она позвонила администратору, объяснила, что паспорт у неё один, зуб тоже, боль настоящая, а ошибка в имени программная. Девушка на линии попросила подождать, включила музыку, вернулась через три минуты и сказала с виноватой бодростью:

— Да, вижу. У нас вы заведены как Нина Сергеевна.

Инна стояла в прихожей с одной надетой серьгой и смотрела на себя в зеркало. Лицо было обычным, немного бледным, с лёгкой складкой между бровями. Волосы собраны низко, губы без помады, серый свитер, чёрные брюки. Женщина, которую легко забыть в очереди, но трудно заподозрить в истерике.

— Исправьте, пожалуйста, — сказала она.

— Конечно. А дата рождения у вас двадцать третье февраля?

— Девятое апреля.

Администратор замолчала.

В трубке что-то щёлкнуло, будто рядом закрыли ящик.

— Тогда, наверное, это не ваша карточка.

— Там мой телефон?

— Да.

— Моя почта?

— Да.

— Значит, исправьте имя и дату.

Девушка снова попросила подождать. Инна нажала отбой. Зуб болел не сильно, но настойчиво, как человек, который не хочет уходить без ответа. На столике у зеркала лежал вчерашний конверт. Она убрала его туда после полуночи, когда поняла, что не уснёт, если оставит бумагу на кухне. Ночью ей снилось, что она стоит в длинном коридоре с дверями, а на каждой двери висит табличка с её именем. Только буквы были переставлены. Нина. Инна. Анна. Инга. В конце коридора кто-то тихо стучал, не требовательно, терпеливо. Так стучат не в дверь, а в память.

Работа находилась в девяти остановках от дома. Инна была специалистом по кадровым документам в сети частных лабораторий. Должность звучала сухо, но работа требовала почти хирургической точности: фамилии, даты, трудовые договоры, персональные данные, приказы, справки, согласия на обработку, копии паспортов, чужие жизни, разложенные по папкам и электронным карточкам. Ошибка в одной букве могла закрыть человеку отпуск, больничный, зарплату, стаж. Инна знала это лучше многих и потому не любила людей, которые говорили: «Ну какая разница, всё равно понятно».

Разница была всегда.

В метро она достала телефон и открыла банковское при-

ложение. Имя снова стало нормальным. Инна Сергеевна Климова. Она сделала скриншот, сама не понимая зачем. Потом открыла почту, проверила входящие, спам, архив. Ничего. Конверт пришёл не оттуда, где можно найти отправителя.

На работе её встретил запах кофе, влажных бахил и дешёвого цитрусового освежителя, который администраторы распыляли у входа каждое утро. В коридоре стояли люди с пробирками и талонами. Кто-то тихо кашлянул в маску. Кто-то спорил с регистратором о цене анализа. За стеклом процедурной медсестра открывала одноразовую иглу, и этот сухой хруст почему-то показался Инне слишком громким.

— Инна Сергеевна, доброе утро, — сказала ей Юля с ресепшена. — Там вам курьер пакет оставил.

— Какой пакет?

— Не знаю. Бумажный. Сказал, лично в руки, но вы ещё не пришли. Я расписалась.

Юля протянула ей тонкую картонную папку. На белой наклейке стояло: «Климовой Н. С.».

Инна провела пальцем по буквам. Н. С. могло быть и Инна Сергеевна, если человек не знает имени полностью. Могло. Если бы вчера не было письма.

В кабинете она закрыла дверь, хотя обычно не закрывала: коллеги всё равно заходили с вопросами, как в общий склад ответов. Папка была запечатана прозрачной лентой. Внутри лежала копия заявления о приёме на работу, старого, пожел-

тевшего по краям, отсканированного с плохого оригинала. Вверху стояла дата: 17 марта 1989 года. Организация: «Городская типография № 4». Фамилия, имя, отчество заявителя:

Климова Нина Сергеевна.

Год рождения: 1957.

Инна опустила на стул. Сердце не забилося чаще. Ей даже показалось странным, что тело не среагировало сразу. Оно как будто решило сначала понять, чем это грозит практически: нет ли утечки персональных данных, не мошенничество ли, не ошибка ли архива. Так мозг, привыкший к документам, делает из страха таблицу.

Она сфотографировала лист. На этот раз телефон не подвёл. Потом увеличила подпись. Почерк был женский, уверенный, с длинной нижней петлёй у буквы «ф» в фамилии Климова. Подпись не походила на подпись её матери, но что-то в наклоне было знакомым, как походка человека, которого видишь со спины.

— Инн, можно? — в дверь постучали и сразу открыли. — Ой, ты занята?

Это была Лариса из бухгалтерии, женщина с вечной папкой под мышкой и лицом человека, который уже понял, что всё снова придётся делать самому.

Инна быстро закрыла папку.

— Что случилось?

— У нас в приказе по Смирнову отчество съехало. Ты мо-

жешь посмотреть? Там система поставила не Валерьевич, а Викторович.

— Могу.

— Только срочно, он уже внизу.

Инна взяла чужой приказ, открыла базу, исправила отчетство. Пальцы работали точно, привычно. Лариса стояла рядом и дышала кофе.

— Спасибо. Ты у нас спасение.

Инна хотела сказать что-то обычное, но вместо этого спросила:

— Ларис, ты веришь, что имя может человеку не подходить?

Бухгалтерша посмотрела на неё с осторожным интересом.

— В смысле?

— Просто. Бывает же, смотришь на человека и думаешь: его надо было иначе назвать.

Лариса пожала плечами.

— Бывает. У меня бывший муж был Игорь, а надо было назвать «идиот». Очень бы подошло.

Инна улыбнулась. Смех не вышел. Лариса, довольная собой, ушла с приказом.

После обеда Инна позвонила матери.

— Мам, у нас в семье была Нина Климова?

На другом конце стало тихо. Не обычная пауза человека, который вспоминает. Пауза была подготовленная, будто мать давно знала, что однажды этот вопрос прозвучит, и всё равно

надеялась не дожить до него.

— С чего ты взяла?

— Была?

— Ты на работе?

— Да.

— Не надо об этом по телефону.

Инна закрыла глаза.

— Значит, была.

— После работы приезжай, — сказала мать. — Только не начинай заранее ничего придумывать.

— Я не придумываю. Мне пришло письмо.

— Какое письмо?

Инна посмотрела на папку.

— Без обратного адреса. На имя Нины.

Мать шумно вдохнула. Где-то рядом с ней тикали часы, старые настенные, с деревянной рамкой, которые отец когда-то хотел выбросить, но не выбросил, потому что в доме всегда находилось место для вещей, если они достаточно долго мешали.

— Не открывай больше ничего, — сказала мать.

— Мам, письмо уже открыто.

— Тогда не ходи туда одна.

— Куда?

Мать не ответила. Связь не оборвалась, Инна слышала её дыхание. Потом мать сказала почти шёпотом:

— Если тебя позовут этим именем, не отвечай.

И положила трубку.

До конца рабочего дня Инна исправляла чужие ошибки в чужих документах. Имя, отчество, дату приёма, номер паспорта, пропущенную букву в фамилии. Она ловила себя на том, что смотрит на каждую строчку слишком долго. В базе у людей были имена, к которым они привыкли. Может быть, не свои, может быть, тоже чужие, полученные по семейной необходимости, в честь умерших, в честь спасённых, назло кому-то, ради чьей-то памяти. Но базы этого не знали. Базы умели только совпадать или не совпадать.

Вечером она приехала к матери.

Дом стоял недалеко от старого рынка, в дворе с липами, которые летом пахли так густо, что у Инны в детстве от них болела голова. Подъезд был вымыт, но всё равно пах сыростью и кошками. Мать открыла сразу, будто ждала у двери.

Светлана Сергеевна выглядела собранной: волосы заколоты, губы бледные, на плечах серый кардиган. Она всегда умела надеть лицо раньше, чем человек успевал спросить больное.

— Проходи. Чай будешь?

— Нет.

— Будешь. У тебя руки холодные.

Инна сняла пальто. В квартире было слишком тепло. На кухне стояла чашка с уже налитым чаем, рядом тарелка с сухарями. Мать села напротив, положила ладони на стол.

— Нина была моей сестрой, — сказала она. — Старшей.

Инна молчала.

— Она умерла до твоего рождения. Ей было тридцать два.

— Почему я о ней не знала?

Мать посмотрела на окно, где отражалась кухня: две женщины за столом, чайник, занавеска, тёмный прямоугольник вечера.

— Потому что в нашем доме о ней не говорили.

— А меня почему все называют Ниной?

Светлана Сергеевна сжала пальцы.

— Не все.

— Достаточно часто.

Мать поднялась, подошла к шкафу в коридоре и вернулась с синей папкой на резинке. Папка была старая, с потёртыми углами. Такие папки не выбрасывают не из любви к порядку, а из страха, что вместе с бумагой исчезнет последняя возможность объяснить себе прошлое.

— Я хотела назвать тебя Инной, — сказала мать. — Сама. Без споров. Мама хотела Ниной. После сестры.

— Бабушка?

— Да.

— И что?

— Я не дала.

Инна впервые за вечер почувствовала не страх, а злость. Тихую, ровную, почти рабочую.

— Тогда почему она всё равно меня так звала?

Мать открыла папку.

Внутри лежала фотография. Молодая женщина у реки, в летнем платье, со светлыми волосами до плеч. Лицо смеющееся, но глаза чуть в сторону, будто на снимке она смотрит не на фотографа, а на того, кто стоит за ним. Инна взяла фотографию и сразу поняла, почему мать молчала.

Женщина была на неё похожа.

Не как родственники похожи на семейных снимках: линия подбородка, форма глаз, посадка головы. Сильнее. Неприятнее. Если бы Инна увидела это лицо в толпе, она остановилась бы.

— Это Нина, — сказала мать.

Инна положила фотографию на стол.

— Как она умерла?

Светлана Сергеевна долго молчала. Потом сказала:

— Она ушла из дома и не вернулась.

— Это не причина смерти.

— Для бабушки была причина.

На лестничной площадке хлопнула дверь. Кто-то поднялся этажом выше, ключи звякнули, шаги стихли. В квартире вдруг стало слышно, как работает холодильник.

— Её нашли через три дня, — сказала мать. — На станции. Не под поездом. Рядом. Сердце. Так написали.

— А что было на самом деле?

Мать смотрела на фотографию.

— Она собиралась уехать. У неё был человек. Не из нашего круга, как говорила мама. Нина хотела замуж, хотела в

другой город. Бабушка устроила скандал. Сказала, что если Нина уйдёт, она ей не дочь. А потом... — Светлана Сергеевна провела рукой по лбу. — Потом она сказала страшное. При мне. Я была маленькая, но помню.

Инна ждала.

— «Не отпущу. Пусть лучше имя твоё дома останется, чем ты у чужих пропадёшь».

Чай на столе остыл. На поверхности плавала тонкая плёнка.

— Это просто слова, — сказала Инна, хотя сама уже не верила, что просто.

— Конечно. Мы так и жили. Как будто просто.

В этот момент в коридоре зазвонил домофон. Один короткий звонок. Потом второй. Мать вздрогнула.

— Ты кого-то ждёшь? — спросила Инна.

Светлана Сергеевна покачала головой.

Инна встала и подошла к трубке.

— Кто?

Сначала в динамике был только шум улицы: машины, ветер, далёкий голос. Потом женщина, очень старая или просто очень усталая, сказала:

— Нина, открой. Я забыла ключ.

Инна медленно положила трубку на место.

Глава 3. Не отвечай

Мать не спросила, кто звонил. Она и так поняла. Лицо у неё стало таким, каким бывает лицо человека, услышавшего за стеной не шум, а старую фразу из комнаты, которую давно заколотили.

— Это не смешно, — сказала Инна.

— Никто не шутит.

— Мам, у подъезда домофон. Кто-то набрал квартиру и сказал...

— Не повторяй.

Инна обернулась. В коридоре было пусто: коврик у двери, зеркало, шкаф, отцовская трость в углу, которой он почти не пользовался, но мать почему-то не убирала. В детстве Инна боялась этой трости. Ей казалось, что ночью она сама переставляется ближе к двери.

Домофон молчал.

— Я спущусь, — сказала Инна.

— Нет.

— Если это соседка...

— Нет, — повторила мать. — Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Светлана Сергеевна поднялась из-за стола, подошла к окну и задвинула штору. Движение было быстрым, почти грубым. Инна никогда не видела, чтобы мать так обращалась с

вещами. Обычно та закрывала шкафы, ставила чашки и поправляла скатерть с той тихой точностью, где раздражение давно стало домашним порядком.

— Когда Нина умерла, мама несколько месяцев слышала её у двери. Не каждый день. Иногда. Говорила, что та звонит и просит открыть. Отец злился, кричал, что она с ума сошла. Соседи шептались. Потом всё прекратилось.

— И вы решили, что лучше об этом не говорить.

— А что надо было делать? — мать резко повернулась. — Тебе было пять, когда бабушка назвала тебя Ниной и просила подойти к ней. Ты пошла. Я успела остановить. Она смотрела на тебя так, будто ты должна была что-то ей вернуть.

Инна вспомнила кровать, валокордин, стакан с ложкой. Вспомнила, как бабушкина рука висела над одеялом тонкой, синеватой веткой. Вспомнила материнские пальцы на своём плече, слишком крепкие. Не слова, но это усилие: её тогда действительно не отпустили к кровати.

— Она была больна, — сказала Инна.

— Да. Но болезнь не придумывает всё с нуля. Она берёт то, что уже лежит внутри.

В другой день Инна могла бы удивиться такой фразе от матери. Светлана Сергеевна не любила глубину в разговорах. Ей нравились понятные причины: давление, возраст, нервы, плохое питание, наследственность, неблагодарность. Всё, что нельзя положить в медицинскую карту или список семейных претензий, она считала опасной водой.

— Почему ты назвала меня Инной? — спросила Инна. Мать устало улыбнулась.

— Потому что это было почти Нина. Но всё-таки нет.

Эта фраза ударила сильнее, чем должна была. Почти. Всё-таки нет. словно её всю жизнь поставили рядом с чужим местом и сказали: стой тут, ты похожа, но не настолько, чтобы нас обвинить.

— Ты хотела обмануть бабушку?

— Я хотела сохранить тебя.

— От кого?

Светлана Сергеевна села обратно за стол. Взяла фотографию Нины, но не посмотрела на неё. Держала двумя пальцами, как бумагу, которую нельзя мять.

— От нашей матери. От её горя. От её слов. От того, как она умела любить: так, что человеку становилось тесно жить.

Инна подумала о Тамаре Николаевне, о которой Надежда однажды сказала мимоходом, когда они пересеклись у подъезда после истории с солью: «Иногда человек держит другого не руками. Он держит представлением о том, как правильно любить». Тогда Инна не поняла, зачем ей сказали эту фразу. Надежда вообще редко говорила прямо к месту. Она будто оставляла слова там, где человек ещё не дошёл, и уходила.

С Надеждой Инна была знакома странно. После истории с письмом Марины, которую обсуждала половина старого архива, Инна несколько раз видела эту женщину на работе: та приходила за копиями документов, за сведениями о трудо-

вых книжках, за чем-то ещё, всегда обычным и при этом не похожим на обычное. Невысокая, седоватая, с тёмной сумкой, в пальто без украшений. В ней не было ничего от людей, которые хотят казаться знающими. Наоборот, Надежда часто выглядела так, будто знание ей мешает и она предпочла бы прожить день без него.

Инна тогда подумала: архивистка. Потом узнала, что так и есть, почти: реставратор документов, работавшая с частными архивами, домами, семейными бумагами, городскими фондами. Люди находили её через других. Никаких вывесок. Никаких услуг «по судьбе». Иногда она помогала найти справку. Иногда - понять, почему справка так долго не находилась.

— Я позвоню Надежде, — сказала Инна.

Мать подняла глаза.

— Кому?

— Женщине, которая умеет работать с такими историями.

— Только не надо этих...

— Она не гадалка.

— Все они так говорят.

— Мам, ты только что рассказала мне про мёртвую сестру, которая звонит в домофон через сорок лет. Не делай вид, что твой скепсис сейчас стоит дороже моего.

Мать замолчала. Инна почти пожалела о резкости, но не отступила. Иногда взрослый разговор начинался не с мягко-

сти, а с того, что один человек переставал спасать другого от правды.

Номер Надежды у неё был в старых сообщениях. Они переписывались дважды: по поводу копии трудовой книжки Раисы Дьяковой, потом по поводу одного архивного шифра, который Инна помогла расшифровать. Контакт был подписан просто: «Надежда документы».

Надежда ответила не сразу. На третьем гудке.

— Слушаю.

— Это Инна Климова. Мы пересекались по архиву Дьяковой.

— Помню.

Голос был тихий, чуть хриплый, без телефонной улыбки.

— Мне пришло письмо. На чужое имя. Вернее... почти моё. Нина Климова.

Надежда не сказала «понятно». Не стала уточнять, не ошиблись ли адресом. Просто спросила:

— Вы открывали?

— Да.

— Вам уже звонили этим именем?

Инна посмотрела на мать. Та побледнела ещё сильнее.

— Да.

— Вы ответили?

— Я сказала «кто». Имя не произносила.

— Хорошо.

Это «хорошо» было таким сухим и земным, что Инне

вдруг захотелось сесть. Не потому что стало легче. Потому что кто-то наконец говорил так, будто происходящее не отменяет необходимости думать.

— Не оставайтесь сегодня одна, — сказала Надежда. — И не открывайте дверь, если вас зовут не вашим именем.

— Что это значит?

— Пока только то, что значит.

— Надежда, я не люблю загадки.

— Это не загадка. Это граница.

В трубке послышался шорох бумаги. Надежда, наверное, что-то записывала.

— Где вы сейчас?

— У матери.

— Оставайтесь там до утра. Завтра привезите письмо, конверт, всё, что связано с Ниной. Фотографии, документы, вещи. Не выбрасывайте ничего и не ищите ночью в интернете.

— Почему?

— Потому что интернет любит делать из чужих мёртвых чужой шум. Вам сейчас нужен не шум.

Инна провела рукой по лицу. Зуб снова ныл. Или это уже болело что-то другое, глубже, возле горла.

— А если снова позвонят?

— Не отвечайте именем. Не спорьте. Не доказывайте. Скажите: «Здесь Инна». Один раз. Потом положите трубку.

— И всё?

— Нет. Потом будет труднее.

Надежда не утешала. Это странным образом удерживало лучше утешения.

После разговора мать поставила на стол ещё одну чашку чая. Инна осталась ночевать в комнате, где когда-то спала в детстве. Там теперь хранились коробки, старая гладильная доска, пакеты с зимними вещами и два чемодана. Кровать была узкая, покрывало пахло шкафом и лавандовым мешочком от моли. На стене висела репродукция с речным берегом, которую отец купил на рынке, потому что «цвет приятный». В детстве Инна придумывала, что на другой стороне этой реки есть дом, где никто никого не зовёт неправильно.

Она легла, но свет не выключила. На полу рядом с кроватью лежала синяя папка. Мать не хотела отдавать её сразу, потом всё же поставила у двери и сказала: «Только не ночью». Инна не стала спорить. Но папка была рядом, и от неё исходило ощущение чужой температуры.

Дом стихал медленно. Сначала сверху перестали двигать стулья. Потом во дворе хлопнула дверь машины. Потом за стеной сосед выключил телевизор. Часы в кухне тикали ровно, с маленьким деревянным упрёком.

Инна почти уснула, когда услышала шёпот.

Не за дверью. Не в коридоре. Ближе.

— Нина.

Она открыла глаза.

Комната была та же: шкаф, коробки, окно, отражение лам-

пы в стекле. Но воздух возле синей папки казался плотнее, будто там кто-то стоял на коленях и дышал в бумагу.

Инна села. Сердце стучало уже по-настоящему. Не в груди даже, а в горле, в том месте, где имя должно выходить наружу.

— Здесь Инна, — сказала она.

Тишина ответила не сразу.

Потом в папке тихо щёлкнула резинка.

Глава 4. Синяя папка

Утром мать сказала, что ничего не слышала. Сказала слишком быстро, стоя у плиты в халате, пока на сковороде шипело яйцо. Инна смотрела на её спину и понимала: слышала. Или не слышала, но знала, что могло быть слышно. В таких историях ложь редко начинается с выдумки. Чаще с попытки не дать чужому страху стать общим.

Синяя папка лежала на кухонном столе. Ночью Инна не стала её открывать. После щелчка резинки она сидела на кровати почти час, уговаривая себя, что старая резина могла лопнуть от сухости. Потом встала, включила в коридоре свет, увидела, что резинка цела, только соскочила с угла, и вернулась в комнату уже без сна. Утро пришло не как облегчение, а как возможность делать вид, что дневные вещи сильнее ночных.

— Я поеду к Надежде, — сказала Инна.

— Я с тобой.

— Нет.

Мать повернулась.

— Это моя сестра.

— А зовут почему-то меня.

Они посмотрели друг на друга. Яйцо на сковороде начало подгорать по краям. Мать выключила газ.

— Ты думаешь, я виновата?

Инна устала ещё до ответа. Вина в их семье всегда появлялась раньше смысла, садилась за стол первой и требовала, чтобы её кормили.

— Я думаю, что ты боишься. И я тоже. Но если мы сейчас начнём выяснять, кто виноват, имя опять выиграет.

Мать медленно села.

— Как имя может выиграть?

Инна не знала. Но фраза уже прозвучала, и в ней было больше правды, чем в аккуратных объяснениях.

Надежда жила и работала в старом доме возле канала, где первый этаж занимали то ли мастерские, то ли полузаконные офисы людей, которым нужны были высокие потолки и дешёвая аренда. У входа не было вывески. Только табличка «Реставрация бумаги. По записи» и кнопка звонка, на которой стерлась половина цифры.

Инна приехала к одиннадцати. В сумке лежали письмо, конверт, синяя папка, фотография Нины и копия заявления из типографии. Метро было полным, но люди вокруг казались ей странно отдалёнными, как статисты в фильме, где главный звук записан в другой комнате. Она несколько раз ловила боковым зрением женщину в светлом платке. Та стояла то у двери вагона, то на эскалаторе ниже, то у киоска с кофе. Когда Инна смотрела прямо, женщина оказывалась другой: моложе, выше, с телефоном, с пакетом. Никакой Нины. Никакой мёртвой сестры матери. Только город, который умеет подставлять похожие лица, если человек уже испуган.

Надежда открыла сама. На ней был тёмный свитер, волосы собраны кое-как, на пальце пластырь. В мастерской пахло клеем, пылью, старой бумагой и чаем, который давно налили и забыли. На столах лежали папки, альбомы, документы под грузами, кисточки, мягкие тряпки, маленькие стеклянные баночки. В углу стояла лампа с тяжёлым зелёным абажуром. Свет от неё ложился на бумаги не ярко, а внимательно.

— Проходите.

Инна поставила сумку на стул.

— Я не знаю, с чего начинать.

— С того, что можно потрогать.

Надежда вымыла руки, вытерла полотенцем, села напротив. Инна достала конверт. Потом письмо. Потом фотографию. Потом заявление. Синюю папку она положила последней.

Надежда ничего не комментировала. Рассматривала бумагу, почерк, сгибы, край конверта. Не как экстрасенс, который ищет вибрацию, а как человек, для которого вещь всегда сначала вещь: материал, время, след пальцев, способ хранения, чужое усилие.

— Письмо свежее, — сказала она наконец.

— В смысле?

— Бумага старая, чернила свежие. Писали недавно. Но рука могла быть старой.

— Живой человек?

— Возможно.

Инне стало почти смешно от разочарования. Часть её, самая глупая и усталая, уже хотела, чтобы всё оказалось мёртвым и невозможным. С мёртвым нельзя спорить бытовыми доводами. Живой человек означал мошенничество, чью-то игру, семейную подлость, ошибку. Всё это было унижительно земным.

— То есть кто-то решил меня пугать?

— Не обязательно. Иногда живые только доносят то, что началось без них.

Надежда развернула фотографию Нины к свету.

— Вы похожи.

— Я заметила.

— Это плохо само по себе только для тех, кто хочет вернуть потерянного через похожего.

Инна села ровнее.

— Мать сказала, бабушка хотела назвать меня Ниной.

— А вас называли Инной.

— Почти так же.

— Почти - удобное слово. В нём часто прячут насилие так, чтобы оно выглядело компромиссом.

Инна посмотрела на Надежду. Та не смягчила фразу улыбкой. Просто сказала и положила фотографию на стол.

— Я не хочу обвинять мать, — сказала Инна.

— Тогда не обвиняйте. Смотрите.

— На что?

— Кто и когда решил, что ваше имя должно стоять рядом

с чужой смертью.

Надежда открыла синюю папку. Внутри были документы Нины: копии свидетельства о рождении, трудовая книжка, комсомольская характеристика, несколько фотографий, выписка из больницы, два письма без конвертов и тонкая тетрадь в коричневой обложке. На первой странице тетради стояло: «Н. Климова. Не читать».

Инна невольно усмехнулась.

— Надо же. Хоть кто-то в этой семье знал, как обозначить границу.

— И её всё равно прочитали? — спросила Надежда.

— Не знаю.

— Сейчас узнаем по сгибам.

Она не открыла тетрадь сразу. Сначала провела пальцами по обложке, посмотрела на корешок, на уголки страниц.

— Читали. Не один раз. Но давно.

— Мать?

— Может быть. Или бабушка.

Инна потянулась к тетради, но Надежда положила ладонь сверху.

— Сначала вопрос. Вы правда хотите это открыть?

— Вы сами сказали смотреть.

— Смотреть и брать - разные вещи.

— Это касается меня.

— Да. Но написано не вами.

Инна откинулась на спинку стула. Внутри поднялось зна-

комое раздражение: на задержку, на лишнюю осторожность, на то, что даже в собственной жизни ей предлагают заполнить форму согласия.

— Если моё имя из-за неё всю жизнь едет в сторону, я имею право знать почему.

— Имеете. Но право знать не отменяет уважения к тому, кто уже не может закрыть тетрадь сам.

Эта фраза почему-то остановила сильнее запрета. Инна подумала о своих кадровых документах, о чужих копиях паспортов, справках, заявлениях. Там тоже лежали люди, которые не видели, кто открывает их папки. Она всегда считала это работой. Сейчас тетрадь на столе вдруг стала не уликой, а комнатой.

— Что делать? — спросила она.

— Спросить.

— У кого?

Надежда посмотрела на неё спокойно.

— У той части себя, которая уже слышит, когда её зовут не туда.

Инна закрыла глаза. Сначала было только темно, и раздражение в темноте. Потом - кухня матери, синяя папка, домофонный голос, письмо. Потом - бабушкина комната, валокордин, рука над одеялом. Потом - фотография Нины у реки. Не сияние. Не знак. Просто лицо молодой женщины, которая хотела уйти и не дошла.

Инна открыла глаза.

— Я хочу знать. Но не хочу быть ею.

Надежда убрала ладонь.

— Хорошо.

Тетрадь открылась туго. Первые страницы были заполнены обычными заметками: покупки, адреса, телефоны, фразы, списки дел. Потом почерк изменился. Стал быстрее, ниже, будто человек писал стоя или в трясущемся транспорте.

«Если со мной что-то случится, не отдавайте моё имя домой. Они сделают из него петлю».

Инна прочитала и почувствовала, как зубная боль, забытая на несколько часов, вернулась резким белым уколом.

Надежда не наклонилась к странице. Дала ей читать одной.

«Я уеду в пятницу. Если Светка когда-нибудь родит девочку, пусть не называют её мной. Пусть будет своя. Любая. Только не моя».

Инна провела пальцем под строкой, не касаясь бумаги.

— Светка - это мама.

— Да.

— Нина знала?

— Похоже, боялась.

На следующей странице было имя мужчины: Григорий. Адрес в другом городе. Несколько строк о билетах, о деньгах, спрятанных в подкладке пальто, о страхе, что мать найдёт. Потом последняя запись, сделанная крупнее:

«Если она снова скажет, что не отпустит, я всё равно пой-

ду. Имя не повод оставаться».

Инна сидела, не двигаясь. В мастерской тихо тикали маленькие часы без циферблата, только с механизмом под стеклом. За окном проехала машина, свет скользнул по потолку и исчез.

— Она ушла, — сказала Инна.

— Да.

— И умерла.

— Да.

— А бабушка решила, что имя надо вернуть домой.

Надежда закрыла тетрадь.

— Возможно, она решила, что возвращает дочь. А могла понимать, что удерживает хотя бы звук. Чужая воля редко выглядит злой изнутри. Чаще она выглядит последним способом не развалиться.

Инна устало засмеялась.

— Это должно меня утешить?

— Нет.

— Хорошо. Потому что не утешает.

Надежда поднялась, поставила чайник. Инна смотрела на фотографию Нины. Та стояла у реки, готовая обернуться или уйти. Молодая, живая, не святая, не призрак, не семейная легенда. Женщина, которая написала: пусть будет своя.

В сумке Инны завибрировал телефон. Она достала его. На экране было сообщение от неизвестного номера.

«Нина, документы у меня. Приходи одна».

Ни подписи. Ни адреса. Только вложение: фотография старой двери с табличкой «Типография № 4».

Надежда посмотрела на экран.

— Теперь живые тоже вошли, — сказала она.

— Кто это может быть?

— Тот, кто знает, что мёртвое имя всё ещё открывает вам двери.

— И что мне делать?

Надежда выключила чайник до кипения.

— Сначала - не идти одной. Потом - понять, какие документы он имеет в виду.

— А если он исчезнет?

— Значит, не очень хотел, чтобы вы пришли. Хотел, чтобы вы откликнулись.

Инна перечитала сообщение. Нина. Приходи одна.

Пальцы сами набрали ответ. Она остановилась на последней букве и стёрла всё.

Потом написала:

«Здесь Инна. Адрес присылайте».

Сообщение ушло. Две галочки стали серыми.

Через несколько секунд пришёл ответ.

«Посмотрим».

И следом второе.

«Она тоже сначала так говорила».

Глава 5. Типография

Утром Инна впервые за много лет проснулась до будильника и не сразу поняла, как её зовут.

Это длилось не больше секунды. Короткая пустота между сном и потолком, где обычно уже лежали день, зубная боль, рабочая почта, раздражение на мать, списки документов и собственное имя. Сейчас там было белое место. Не страшное ещё, но холодное, как окно, которое ночью оставили приоткрытым.

Потом память вернулась: Инна Сергеевна Климова, тридцать четыре года, кадровые документы, семь лет в лабораторной сети, квартира на седьмом этаже, мать Светлана, бабушка Нина, хотя бабушка была не Нина, а Галина Павловна, и это уже начинало путаться даже в голове.

На телефоне лежало последнее сообщение: «Она тоже сначала так говорила».

Инна перечитала его трижды, не вставая. Слова были короткие, без угрозы, без грубости, почти деловые. От этого они казались хуже. Человек на другом конце не пытался напугать. Он словно проверял, насколько легко её снова повернуть к чужому имени.

Надежда написала в семь пятнадцать: «Не отвечайте. Приеду к одиннадцати. Возьмите паспорт и всё, где вас в последние дни называли Ниной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.